

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/39/5

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ГАЗЕТНОЙ ПОЛЕМИКИ

Елена Анатольевна Андрущенко¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
Andrushenko2013@gmail.com*

Аннотация. Изучается полемика о русской государственности, развернувшаяся после статьи П.Б. Струве «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (1908). Рассматривается статья Д.С. Мережковского «Красная Шапочка», в которой сформулирована позиция носителя «нового религиозного сознания», утверждавшего идею разрушения самодержавия и старой церкви. К анализу привлекаются статьи кн. Е.Н. Трубецкого и С.А. Котляревского, в полемике которых с Мережковским отразились ключевые позиции противников русской революции. В научный оборот впервые вводится неизвестная редакция статьи Мережковского «Красная Шапочка» – «Свобода больше родины» (1908).

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, С.А. Котляревский, публицистика, авторская стратегия

Для цитирования: Андрущенко Е.А. К истории одной газетной полемики // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 74–88. doi: 10.17223/23062061/39/5

Original article

ON THE BACKGROUND OF A NEWSPAPER DEBATE

Elena A. Andrushchenko¹

¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, Andrushenko2013@gmail.com*

Abstract. Periodical publications play a significant, though not essential role in D.S. Merezhkovsky's legacy. Not all of the writer's articles scattered across periodicals of the early 20th century have been identified and republished. Yet studying their origins, mapping their versions and variants, examining the sources reveals little-known circumstances of the disputes around key issues of Russian thought of that age. One such article is "Red Riding Hood" (1908). It is examined in the con-

text of the debate over Russian statehood. The article was written in response to P.B. Struve's famous publication "Great Russia. From Reflections on the Problem of Russian Might" (1908). By publishing it at the beginning of his cooperation with the *Rech'* newspaper, Merezhkovsky utilized an opportunity to make a clear return to newspaper debate, from which he had been effectively ruled out due to his emigration. His strategy as an author was to simultaneously print "Red Riding Hood" in *Rech'* and its abridged version, "Freedom Above Motherland", in the daily news outlet *Poslednie Novosti*. Merezhkovsky objected to Struve's ideas about the necessity of strengthening statehood, a fair resolution of the "Polish" and "Jewish" issues and the intelligentsia's turn away from "banal radicalism". He questioned the validity of the monarchy's existence in light of an unfinished revolution and asserted a widespread opposition to the state among the intelligentsia. The responses to Merezhkovsky, penned by Struve, prince E.N. Trubetskoy and S.A. Kotlyarevsky, exhibit an attempt to point out the difference between motherland and monarchy, state and power, church and faith, as well as disappointment with the radicalism of an intellectual ready to destroy his country for an abstract idea. Merezhkovsky's replies to Struve and Trubetskoy reveal an essential trait of his journalistic style. Using inaccurate quotations and interpreting them freely, Merezhkovsky avoided direct answers, instead driving the reader towards his own concept of the "new religious consciousness", which contradicted his opponents' viewpoints. Struve put an end to the debate, conceding that he struggled to keep it on point with Merezhkovsky, even though they were united by a common attitude to culture. Merezhkovsky's article "Christianity and State" struck a chord with Trubetskoy. His forgotten article "Rally Religion and Rally Methods (A Response to D.S. Merezhkovsky)" likewise dealt not so much with his opponent's arguments as with his polemical techniques, which obscured the viewpoint. Reconstruction of the debate over statehood and the inclusion of little-known publications in the analysis serve to illuminate the alignment of Russian thought prior to the appearance of the *Vekhi* collection (1909).

Keywords: D.S. Merezhkovsky, P.B. Struve, E.N. Trubetskoy, S.A. Kotlyarevsky, periodical publications, author's strategy

For citation: Андрющенко, Е.А. (2025) On the background of a newspaper debate. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 39. pp. 74–88. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/5

Публицистика Д.С. Мережковского – большая, важная и по сей день недостаточно изученная часть наследия писателя. Она издается довольно часто в популярных сериях или в изданиях, где избранные статьи печатаются в произвольном составе, без надлежащего комментария. В процессе подготовки к публикации обнаруживаются статьи, не включенные автором в сборники, выявляются неизвестные редакции статьи, устанавливаются источники и контекст, затемненные для современного читателя, а история создания некоторых статей открывает малоизвестные обстоятельства полемики о ключевых проблемах русской мысли той поры.

Одна из них – «Красная Шапочка», впервые опубликованная в газете «Речь» 24 февраля (8 марта) 1908 г.

Статья написана в первые месяцы сотрудничества Мережковского с этой газетой, начавшегося во многом благодаря К.И. Чуковскому. «Стоит только посмотреть на частотность фельетонов Мережковского в “Речи”, где в это время у Чуковского очень сильные позиции (с 10 декабря он “взял в свои руки” весь литературный отдел газеты). В течение 1908 г. здесь выходит 14 статей Мережковского (“Христианские анархисты” (№ 10, 12 янв.), “Цветы мещанства” (№ 35, 10 февр.), “Красная шапочка” (№ 47, 24 февр.), “Асфодели и ромашка” (№ 71, 23 марта) и др.), в 1909 г. – 16. Роль Чуковского в такой фельетонной активности Мережковского не оставляет сомнений» [1. С. 38, 46–47]. «Красная Шапочка» – третья статья, предложенная в «Речь». Она отражает движение Мережковского к сложному газетному жанру – фельетону, который, по мнению З.Н. Гиппиус, он «вовсе не умел писать» [1. С. 60]. Данью газетной специфике является и заглавие, связанное с содержанием лишь финальным высказыванием: «Ежели сейчас в России есть фантастичнейшая сказка, отвлеченнейшая утопия, так это мечта о государственной мощи России, как “путеводной звезде” для заблудившейся русской интеллигенции. Кажется, лучше пойдет она к черту в лапы, чем в такую Россию, – не примет, подобно Красной Шапочке, волка за бабушку» [2. С. 2].

Причины, по которым Мережковские стремились к сотрудничеству с каким-нибудь периодическим изданием, отчасти лежат в материальной сфере. Когда Мережковскому пришлось извиняться за задержку статей, он обсуждал с соредактором «Речи» И.В. Гессеном именно этот вопрос: «Потом опять, надеюсь, правильная присылка наладится. Но очень просим, чтобы и Вы не задерживали правильной присылки гонорара» [3. Л. 1 об]. В письме Брюсову от 28 декабря 1908 г. Мережковский даже признавался: «Статейки эти в газетах я пишу для заработка. И главное для меня – “Александр I” и “Декабристы”, а также некоторые другие драмы из мистической жизни начала XIX в., которые мне хотелось бы написать» [4. С. 36]. Но все же проекты, запланированные и реализованные в 1906–1908 гг., – они описаны в известной статье А.Л. Соболева «Мережковские в Париже» [5. С. 319–371], – имели фундаментальный религиозно-философский характер, а возможность писать о них для широкого круга русских читателей была крайне ограниченной.

Сотрудничество с «Речью» начинается в конце эмиграции Мережковских, зимой 1908 г. К Гессену он обращался с просьбой регулярно присылать им газету и новые книги: «Если бы каких-либо *новых книг*

прислали, – мы очень Вам были благодарны и статьи я бы скорей написал» [3. Л. 2 об]. Материалом для статей Мережковского становились книжные новинки или газетные публикации, дающие возможность высказаться на актуальные темы: «Сошествие в ад» (по «Рассказу о семи повешенных» (1908) Л.Н. Андреева), «Асфодели и ромашка» (по «Письмам из Сибири» (1907) А.П. Чехова), «Христианские анархисты» (по сборнику «Духоборцы» (1908), составленному П. Бирюковым), «Реформация и революция?» (по Запискам СПб. религиозно-философского общества (1908) и первому выпуску журнала «Живая жизнь», 1908), «Бес или Бог?» (по изданию «Памяти Фрумкиной и Бердягина», 1908), «Немой пророк» (по «Воспоминаниям о брате Владимире Соловьеве» М.С. Безобразовой, 1908) и др. На обзоре статей Л. Галича, К. Чуковского и Д. Филоsofova построена статья «Мистические хулиганы» (1908).

Поводом для создания «Красной Шапочки» стал очерк П.Б. Струве «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества», хотя Мережковский упоминает серию очерков «На разные темы», «На разные темы. К спору о “Великой России”», печатавшуюся в начале года в «Русской мысли». Эти знаменитые выступления, посвященные проблеме русской государственности, вызвали волну откликов – они уже были предметом пристального рассмотрения [6; 7] – в том числе и несколько статей Мережковского. О его сложных взаимоотношениях со Струве речь идет в публикации А.В. Лаврова «“Не продается вдохновенье...”»: Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве» (2019) [8. С. 109–123]. Между тем спор о «великой России» шел не только между ними. К публичной дискуссии присоединились и другие мыслители, позиция которых, в свою очередь, инспирировала печатную реакцию Мережковского. О начале этого спора писала Т.И. Рябова [9. С. 121–126].

Осмысление других публикаций той поры позволяет восстановить круг источников статей Мережковского «Красная Шапочка», «Еще о “Великой России”» (1908), «Христианство и государство» (1908), ввести в научный оборот неизвестную редакцию статьи Мережковского «Красная Шапочка» – «Свобода больше родины» (1908) и подключить к спору о «великой России» еще несколько важных имен. Это тем более имеет значение, что позволяет уточнить представления о состоянии русской мысли накануне выхода в свет знаменитой книги «Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк)» (1909).

Статья «Красная Шапочка» касалась принципиально важной для Мережковского темы: русской государственности. Для его концепции,

предполагающей религиозную революцию, «прерыв», государственническая точка зрения Струве являлась неприемлемой. Начиная статью с выражения П. Столыпина («Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия») [10. С. 143], Струве утверждал необходимость прочной государственности, ответственного поведения интеллигенции и отказа от радикализма, честного и скорого решения «еврейского» и «польского» вопросов, привлечения народной инициативы для укрепления государства. Мережковский, возражая Струве, поставил под сомнение правомерность существования самодержавной государственности на фоне незавершившейся революции, выразил уверенность в разрушении слабой России под ударами более сильных государств и утверждал широкую оппозицию государству в среде интеллигенции. Свою аргументацию Мережковский перенес в сферу эстетики: цитировал стихи Лермонтова («Люблю отчизну я, но странною любовью!...») и рассматривал творчество Герцена и Толстого как пример критического отношения интеллигенции к государству.

В один день с выходом в свет статьи «Красная Шапочка» на той же полосе газеты «Речь» был опубликован «Ответ Мережковскому» Струве, а в газете «Последние новости» печаталась краткая редакция статьи «Красная Шапочка» – «Свобода больше родины» [11. С. 3]. В этой редакции нет возражений Струве, с которых начинается «Красная Шапочка», а содержится только утверждение позиции Мережковского, высказанной в обеих редакциях в выразительной и, можно сказать, вызывающей форме. «Я в политике мало сведущ; еще внутреннюю иногда чувствую на собственной шкуре, а внешняя – для меня темный лес. Предвижу также обвинение в “банальном радикализме” и заранее от всяких оправданий отказываюсь. Не знаю, право, чему, но едва ли не декадентскому опыту юности обязан я тем, что чем дольше я живу, тем больше теряю стыд и страх банальности. Ныне стыжусь и страшусь я не столько банального, сколько великого, которое может оказаться банальным. Да и не все ли великие чувства банальны для тех, кто их не испытывает? Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит “банальный радикализм”, я хочу быть банальным» [11. С. 3]. Обратим внимание, что никакого «декадентского опыта юности» у Мережковского, в сущности, не было, а вот народнический – был. Он сотрудничал с Н.К. Михайловским, Г.И. Успенским, ездил по деревням Оренбургской и Уфимской губерний. Именно этот опыт, как нам представля-

ется, и питал общественный темперамент Мережковского, окрашенный хилиастической идеей Царства Третьего Завета или Духа Святого.

Второй фрагмент в публикации «Последних новостей», совпадающий с текстом статьи «Красная Шапочка», – процитируем его в сокращении – примечателен тем, что известное утверждение Достоевского о всечеловечности русского духа Мережковский неправомерно применяет к интеллигенции: «Некогда определял Достоевский главное свойство русской интеллигенции как всечеловечность. Это остается и, кажется, останется верным, пока жива русская интеллигенция. В чем другом, а в грехе национальной исключительности она неповинна, и если чем-нибудь пленяет ее социализм, то именно этой идеей – пусть незавершенной, даже извращенной в самом социализме, но все же реально в нем присутствующей: идеей всечеловечности, инстинктивным отвращением к национализму» [11. С. 3]. Это выражение, как известно, Достоевский относил вовсе не к интеллигенции, и только сложной метафорой Мережковского, связывающей петровские реформы и русскую интеллигенцию (напр., в статье «Интеллигенция и народ», 1908), можно объяснить такое своеобразное истолкование.

Итак, для публикации в «Последних новостях» Мережковский выбрал из текста статьи «Красная Шапочка» только наиболее яркие и даже вызывающие высказывания, а свои возражения Струве высказал в статье, опубликованной в «Речи». Редакция газеты намеренно публиковала полемику между Мережковским и Струве на одной полосе. Эта тактика должна была привлечь внимание читателей, получивших возможность следить за спором двух известных оппонентов, продолжавшейся в нескольких номерах. Мережковский признавался Чуковскому, что привлекательным для него является именно публичный обмен мнениями: «...хотелось бы мне да и вообще нам (З.Н. Гиппиус, Дм.Вл. Filosoфoву) поговорить с Вами в печати. И не для полемики, а для взаимного согласия, выяснения возможных точек схождения» [1. С. 52]. Возможность «поговорить» со Струве публично Мережковский использовал в полной мере, но не для поиска «возможных точек схождения», а для обозначения противоречий между ними, причем предъявленных в двух разных изданиях: в самом культурно ориентированном, имеющем определенный круг подписчиков, и ежедневном, новостном, адресованном самому широкому кругу читателей.

Струве в «Ответе Мережковскому», прежде всего, обратил внимание на то, как ведется спор: «Есть два вида полемики. Один – полемика ради уничтожения противника. Другой – полемика ради раскрытия всех схождений и расхождений мысли, полемика “по существу”». В своем на-

падении на меня Д.С. Мережковский отдал дань и первому, и второму типу полемики. Лучше, чтобы первого не было...» [12. С. 2]. Струве полагал, что приведенные Мережковским примеры нельзя считать убедительными, ведь писатели, о которых шла речь в его статье, не являются интеллигентами, а русской интеллигенции в целом присуще «противогосударственное отщепенство». Стремясь привить ей религию при отсутствии религиозной идеи, Мережковский, по мнению Струве, рассуждает о недостижимой мечте. Когда же он говорит о разрушении государственности, он уже этим служит разрушению культуры, поскольку «государство есть важнейшее орудие создания культуры в общественной форме» [12. С. 2]. Разногласия с Мережковским автор статьи намечает и по линии славянофильства – западничества. Струве писал, что как сторонник прочной государственности принадлежит к западникам, а идеи Мережковского – «последняя яркая вспышка славянофильства и в то же время последний идейный якорь русского революционизма. Далеко заброшен этот якорь: в христианский апокалипсис. Есть что-то трогательно детское в этом сочетании апокалипсиса и революционного социализма. <...> Нас с Мережковским и людьми подобного типа сближает один только заговор – заговор в защиту культуры. Эта тяга к культуре заставила Мережковского найти на Западе “праведное, мудрое, доброе, святое мещанство”, и возвысить голос в его защиту против старого русского “варварства” и “нового русского хулиганства”. Так уважение к культуре сбивает Мережковского с его славянофильской позиции. И, если бы он к “социально-славянофильской браге” Герцена не примешал еще более опьяняющей апокалиптической эссенции, он сам был бы просто “добрым европейцем” из сословия “святых мещан” и хорошим русским... западником» [12. С. 3]. Статья Струве, логичная и последовательная в изложении позиции, вызвала у Мережковского возражения. Через несколько дней в той же «Речи» он опубликовал статью «Еще о “Великой России”».

В ней подробно рассматриваются тезисы Струве, но создается впечатление, что спорить по существу Мережковскому довольно сложно. Говоря о том, что «Струве не хочет революции, по крайней мере, той, которая освобождение России ставит условием ее величия, а не наоборот, величие России – условием ее освобождения» [13. С. 2], он, собственно, обозначает главный водораздел между ними, а все остальные рассуждения представляются лишь риторическими периодами. И мысль о новой культуре в новой России после революции, и идея будущей религиозности интеллигенции, нарождающейся будто бы в революционной стихии, и сомнения в государственноческом духе русского народа, и

боевой задор в финале статьи звучат неубедительно, поскольку вместо конкретного ответа предлагаются устремленные в будущее умозрительные рассуждения. В следующем же выпуске «Речи» Струве напечатал статью «Кто из нас “максималист”? (Некоторые итоги спора)», в которой признал: «Мы не можем убедить друг друга. <...> К сожалению, ответ Мережковского снова запутывает и затемняет истинное соотношение наших идейных позиций» [14. С. 2]. Анализируя аргументацию оппонента, Струве определил главную особенность его мышления, не позволяющую вести споры о политике: «Мережковский, при всем своем замечательном историческом образовании, при всей своей художественной интуиции отдельных исторических эпох, как настоящий религиозно-общественный максималист, верующий в апокалипсис, не способен ощущать историю и мыслить исторически. Он верит в изменения катастрофами, скачками, разрывами. В этих разрывах: революция – реакция, Бог – Зверь противопоставляются друг другу с остротой отвлеченных понятий, между которыми не может быть никакого иного отношения, кроме противоборства» [14. С. 2]. Отстаивая свое право видеть в прочной государственности основу для развития культуры и религии, Струве писал: «Но если спор идет не о начальстве текущего дня, не о министре внутренних дел, а о русском государстве и, в конечном счете, о государстве вообще, то кто же из нас “максималист”? Тот ли, кто, как Мережковский, в государстве видит “Зверя”, или тот, для кого, как для меня, государство есть великая культурная сила, в борьбе за которую, средствами которой нация упорным, дисциплинированным трудом подымается с одной ступени исторического бытия на другую?» [14. С. 2]. На эти возражения Мережковский не ответил, но отголоски его полемики со Струве прозвучали в статье «Христианство и государство» (1908).

В первой публикации в июле 1908 г. она имела подзаголовок: «Ответ кн. Е. Трубецкому» [15. С. 107–113]. При включении ее в сборник «В тихом омуте» (1908) и в его составе в оба свои полные собрания сочинений (1911, 1914) Мережковский этот подзаголовок снял. Статья посвящена публикации Е.Н. Трубецкого «Великая Россия (По поводу спора П.Б. Струве и Д.С. Мережковского)», вышедшей еще в марте 1908 г. в «Московском еженедельнике» [16. С. 3–13]. Примечательно, что в этом же выпуске была опубликована еще одна статья, посвященная полемике Струве и Мережковского, – «Два мирозозерцания (По поводу статей Д.С. Мережковского и П.Б. Струве)» С.А. Котляревского, которая публичной реакции Мережковского не вызвала. Откликаясь на спор Мережковского со Струве, Котляревский приветствовал его как обмен мнениями, касающийся «самых интересных и важных для русского общест-

венного самосознания тем» [17. С. 42]. Статья Котляревского содержала анализ психологических основ размышлений Мережковского и той части интеллигенции, которую он представляет. «Тезис, который отстаивает Д.С. Мережковский, сам по себе не нов, – заметил Котляревский, – он исповедовался и исповедуется значительной частью русского образованного общества. Нова та яркая, можно сказать, художественная, во всяком случае достойная стиля Мережковского, форма, в которую тезис облечен, и которая для критики представляет особое преимущество; здесь особенно ясно видна его психологическая подкладка. Она может быть сведена к двум мотивам: слабость положительного государственного инстинкта и сила настроений антигосударственных» [17. С. 42]. В связи с поставленной целью автор посвятил свой материал разбору деталей, частных, привязав возражения к текущей злобе дня. Он напомнил об отсутствии Мережковского в России во время революционных месяцев и о его хорошей осведомленности о французском синдикализме и о европейском социализме. Даже в этих движениях, полагал автор публикации, мысль о разрушении государства и основ национальной жизни вызывает сомнения. «Принять тезис Д.С. Мережковского, – писал Котляревский, – значит отдать его всецело политической, социальной и культурной реакции» [17. С. 46]. Видимо, отсутствие у Котляревского ясно сформулированной программы делало публичную полемику с ним для Мережковского непривлекательной. Статья Евг. Трубецкого в этом смысле представлялась ему гораздо более интересной.

О своем замысле статьи в ответ Евг. Трубецкому он писал Гессену. Правый край первого листа его письма поврежден, так что восстановить первоначальное заглавие статьи невозможно. «Я вышлю Вам <...> статью под заглавием “Любовь к <?>” (или м<ожет> б<ыть> другое заглавие <?>), ответ Евг. Трубецкому на его патриотическое заявл<ение> в “Моск<овском> Еженедельн<ике>”, где он <обви>няет меня в “труп<ной> психологии” и советует <принять> “рабий вид” (и кажется, не только “вид”) во имя христианства. Статья эта возбуждает любопытный вопрос о “христианской (то есть в сущности православной) государственности”. Постараюсь быть вполне цензурным, несмотря на остроту темы» [3. Л. 1–1 об].

Евг. Трубецкой прочел статью Струве как выступление против разрушительного начала, заключенного в русской революции и русской реакции, обусловивших провалы во внутренней и внешней политике России. Он полагал, что в статье Струве есть слабое положение: «...остается без ответа самый главный вопрос: для чего нам нужно внешнее могущество России и во имя чего оно должно быть нам дорого» [16. С. 6]. Несмотря

на это, статью Струве он воспринял как проявление патриотизма и понимания причин подлинной слабости России. Ответ Мережковского он назвал высказыванием представителя «русского радикализма», сделанного без любви и уважения к предмету. «Если в данную эпоху “быть русским” – в самом деле значит “быть рабом”, то, казалось бы, именно это обстоятельство должно привязать нас к России крепчайшею связью долга, сострадания и жалости. <...> Пусть подумает об этом Д.С. Мережковский, и он будет вынужден признать, что в приведенных словах его выразилось не христианство, а просто-напросто *трупная психология* – полное омертвление духовной связи с Россией, – с той самой родною землею, которую “в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя”. Тут есть нечто большее, чем отречение от России: тут есть утрата того самого идеала, которому служит Д.С. Мережковский» [16. С. 8].

В статье «Христианство и государство» Мережковский цитирует Евг. Трубецкого, как правило, неточно и сосредотачивается на истолковании понятия «всечеловечность» у Достоевского. «И напрасно, возражая мне, кн. Е. Трубецкой ссылается на Достоевского, как будто я его не знаю: знаю и отрицаю именно здесь, в отношении к церкви. То превращение государства в церковь, в котором Достоевский видит спасительное будто бы отличие “богоносной” России от “безбожной” Европы, – еще больший соблазн, чем превращение церкви в государство, папы – в кесаря, которое, по мнению Достоевского, происходит в католическом Риме. <...> Можно спорить с Достоевским, но нетрудно понять, чего он хочет. Чего же, собственно, хочет кн. Е. Трубецкой, понять нельзя. Ссылаясь на идею всечеловечества у Достоевского, не принимает он главной сущности этой идеи. <...> отделение церкви от государства – отрицает, потому что неизбежно отрицает этот путь тот, кто, подобно кн. Е. Трубецкому, сливает идеал государственности с идеалом всечеловечества – религиозным, “вселенски-церковным”, в высшем смысле этого слова» [15. С. 111–112]. Poleмический прием, который использовал Мережковский, состоял в том, чтобы не отвечать Евг. Трубецкому по существу, а говорить о том, как он понимает взгляды Достоевского на государство и церковь.

Евг. Трубецкой во «всечеловечности» у Достоевского видел «живое единство в разнообразии национальностей»: «Всечеловечность для него была не отрицанием патриотизма, а как раз наоборот, его завершением и осуществлением» [16. С. 9]. Мережковский в комментариях к статье Евг. Трубецкого повторил концепцию своей статьи «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906). Объявив писателя бессознательным пророком религиозной революции, для которого был скрыт по-

длинный смысл его собственных пророчеств, Мережковский подверг критике его публицистические выступления. По мысли Мережковского, Достоевский не довел до логического конца свои рассуждения и не ощутил спасительного смысла революции, способной подорвать основы самодержавной государственности, не увидел в революции религиозного смысла [см.: 18. С. 222–239]. Так что и возражение Евг. Трубецкому, поддержавшему мысль Струве об упрочении государственности и ответственности интеллигенции за идейный радикализм, строится как опровержение неверного, по мысли Мережковского, понимания смысла революции как переворота, ведущего к новой церкви. «Кн. Е. Трубецкой, подобно учителям своим, В. Соловьёву и Достоевскому, – писал он, – не вышел из старой церкви и потому не видит новой, не видит религиозной правды русской революционной общественности, ибо, как я уже раз говорил и теперь повторяю – об этом нужно твердить без конца – в настоящее время в России революция и религия – не два, а одно: революция и есть религия, религия и есть революция» [15. С. 112].

Евг. Трубецкой не сразу прочел статью Мережковского: она публиковалась не в «Речи», а в «Образовании», так что он прошел мимо этой публикации. В статье «Митинговая религия и митинговые приемы (Ответ Д.С. Мережковскому)», опубликованной только в ноябре 1908 г., он писал: «Направленная против меня полемическая статья Д.С. Мережковского “Христианство и государство” (“Образование”, № 7), к сожалению, попала мне на глаза только теперь, через три месяца после напечатания. К счастью для меня тема, затронутая автором, – из нестареющих, а потому и мой ответ не может считаться запоздавшим» [19. С. 33]. Евг. Трубецкой, как и Струве, был задет стилем полемики Мережковского: «Статья Д.С. Мережковского поражает, прежде всего, своими полемическими приемами. <...> Вообще в статье Д.С. Мережковского нет ни одной верной цитаты и ни одной верной передачи моих мыслей. При этом, что хуже всего, эти фальсификации в большинстве своем преследуют одну общую цель: представить меня большим черносотенцем, а самого Д.С. Мережковского – большим радикалом. <...> Я в данном случае не могу смешивать русского общества с Д.С. Мережковским, и вот почему. В наш дореволюционный период он, как известно, был сторонником самодержавия, а в эпоху освободительной борьбы находился за границей <...>. Теперь г. Мережковский вернулся на родину и спешит наверстать потерянное время. <...> Спор по существу он заменяет чтением в мыслях противника, доказательства истинности своего тезиса – демонстрацией его левизны. <...> Предоставляю читателю судить, кто из нас двух, я или Д.С. Мережковский, исповедует под именем рели-

гии “князя мира сего”. Единственным оправданием моему противнику служит то, что его “князь” – левый, а не правый; а слева хорошо все то, что справа дурно» [19. С. 35–37]. Евг. Трубецкой, с тревогой наблюдавший за радикализацией мысли Мережковского, еще в первой статье писал, что тот сознательно исключил из русской интеллигенции Достоевского и Вл. Соловьева, отождествил государственность с Аракчеевым, с Плеве и сравнил «ее с волком из Красной шапочки» [16. С. 12]. Но эти замечания Мережковский оставил без внимания.

В завязавшейся полемике о русской государственности той поры проявилась глубокая противоположность взглядов, лишь углубившаяся после выхода в свет сборника «Вехи». Единственной темой, отношение к которой у Струве и Мережковского было общим, оказалась культура. Служение ей и сохранение ее представлялось им обоим важнейшим делом. Откликнувшиеся на эту полемику Евг. Трубецкой и Котляревский разделяли точку зрения Струве, развивая, углубляя его мысль и упрекая Мережковского в идейном радикализме и в глухоте к доводам оппонентов. Но обсуждение проблемы по существу оказалось для Мережковского сложным. Политика и общественная жизнь не были его темой: за аргументами он постоянно обращался к литературе, утверждая «новое религиозное сознание». Анализируя политические процессы или общественные движения, он исходил из кабинетной идеи, которая обнаруживала свою слабость в применении к актуальным событиям. Мережковскому представлялась возможной реализация хилястической идеи тысячелетнего царства в самое ближайшее время, когда будут подорваны основы русского самодержавия, а церковь обретет свободу. Потому трагические и кровавые события первой русской революции он оценивал оптимистически, опознавая в социальных катаклизмах зарницы будущей революции религиозной.

В этой полемике проявилась и специфическая авторская стратегия Мережковского. «Красная Шапочка», написанная в ответ известному оппоненту, и ее краткая редакция в «Последних новостях» позволила ему вновь напомнить о себе в периодической печати, а публикация ответов дала возможность удерживать внимание читателей. Он осваивал новый, непривычный для него жанр газетного фельетона, включался в обсуждение тем, подсказанных ему злобой дня, но размышления, сформулированные в свете его концепции, нередко обнаруживали умозрительность и абстрактность представлений, поверхностный характер наблюдений и беспомощность выводов. Свидетельством этого является неровность и проходной характер некоторых статей, опубликованных в «Ре-

чи», который Мережковский и сам ощущал, не включая их в сборники и в полные собрания сочинений.

Список источников

1. Федотова С.В. «Любопытный малый»: письма З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к К.И. Чуковскому (1907–1920) // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 46–47.
2. Мережковский Д. Красная шапочка // Речь. 1908. № 47. 24 февраля (8 марта). С. 2.
3. Письма Д.С. Мережковского в редакцию газеты «Речь» // РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 561. 12 л.
4. Мережковский Д.С. Записные книжки и письма Д.С. Мережковского. Письма / Публ. Е. Андрущенко, Л. Фризмана // Русская речь. 1993. № 5. С. 25–40.
5. Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица. Биографический альманах. 1. СПб. ; М. : Феникс : Atheneum, 1992. С. 319–371.
6. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «проблем идеализма» до «вех». 1902–1909. СПб. : Алетейя, 1996. 375 с.
7. Кантор В.К. Петр Струве: Великая Россия, или Утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, № 4. С. 161–178.
8. Лавров А.В. «Не продается вдохновенье...»: Письма Д.С. Мережковского к П.Б. Струве // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 109–123.
9. Рябова Т.И. Спор о Великой России (П.Б. Струве, Д.С. Мережковский, Е.Н. Трубецкой) // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Брянск : Изд-во БГУ, 2003. Вып. 5. С. 121–126.
10. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 143–157.
11. Мережковский Д. Свобода больше родины // Последние новости. 1908. № 41. 8 марта. Из печати. С. 3.
12. Струве П. Ответ Д.С. Мережковскому // Речь. 1908. № 47. 24 февраля (8 марта). С. 2–3.
13. Мережковский Д. Еще о «Великой России» // Речь. 1908. № 65. 16 (29) марта. С. 2.
14. Струве П. Кто из нас «максималист»? (Некоторые итоги спора) // Речь. 1908. № 66. 18 (31) марта. С. 2.
15. Мережковский Д. Христианство и государство (Ответ кн. Е. Трубецкому) // Образование. 1908. № 7. Июль. С. 107–113.
16. Трубецкой Евгений, кн. Великая Россия (По поводу спора П.Б. Струве и Д.С. Мережковского) // Московский еженедельник. 1908. № 11. 11 марта. С. 3–13.
17. Котляревский С. Два мирозерцания (По поводу статей Д.С. Мережковского и П.Б. Струве) // Московский еженедельник. 1908. № 11. 11 марта. С. 42–46.
18. Андрущенко Е.А. Уловка Д.С. Мережковского: какую статью критик писал для А.Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. 2021. № 8 (2). С. 222–239.

19. Трубецкой Е., кн. Митинговая религия и митинговые приемы (Ответ Д.С. Мережковскому) // Московский еженедельник. 1908. № 46. 11 ноября. С. 33–38.

References

1. Fedotova, S.V. (2021) "Lyubopytnyy malyy": pis'ma Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo k K.I. Chukovskomu (1907–1920) ["The Curious Fellow": Letters from Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky to K.I. Chukovsky (1907–1920)]. *Literaturnyy fakt*. 1(19). pp. 46–47.
2. Merezhkovskiy, D. (1908) Krasnaya shapochka [Little Red Riding Hood]. *Rech'*. 47. 24th February (8th March). p. 2.
3. Merezhkovskiy, D.S. (n.d.) *Pis'ma D.S. Merezhkovskogo v redaktsiyu gazety "Rech'"* [Letters from D.S. Merezhkovsky to the Editorial Office of the Newspaper "Rech'"]. The Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). Fund 1666. List 1. File 561.
4. Merezhkovskiy, D.S. (1993) Zapisnye knizhki i pis'ma D.S. Merezhkovskogo. Pis'ma [Notebooks and Letters of D.S. Merezhkovsky. Letters]. Translated by E. Andrushchenko, L. Frizman. *Russkaya rech'*. 5. pp. 25–40.
5. Sobolev, A.L. (1992) Merezhkovskie v Parizhe (1906–1908) [The Merezhkovskys in Paris (1906–1908)]. In: Lavrov, A.V. (ed.) *Litsa. Biograficheskiy al'manakh* [Faces. A Biographical Almanac]. Vol. 1. St. Petersburg; Moscow: Feniks: Atheneum. pp. 319–371.
6. Kolerov, M.A. (1996) *Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot "problem idealizma" do "vekh"*. 1902–1909 [Not Peace, but a Sword. The Russian Religious-Philosophical Press from "Problems of Idealism" to "Vekhi". 1902–1909]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Kantor, V.K. (2010) Petr Struve: Velikaya Rossiya, ili Utopiya, tak i ne stavshaya real'nost'yu [Petr Struve: Great Russia, or the Utopia That Never Became Reality]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 11(4). pp. 161–178.
8. Lavrov, A.V. (2019) "Ne prodaetsya vdokhnoven'e...": Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.B. Struve ["Inspiration Is Not for Sale...": Letters from D.S. Merezhkovsky to P.B. Struve]. *Literaturnyy fakt*. 3(13). pp. 109–123.
9. Ryabova, T.I. (2003) Spor o Velikoy Rossii (P.B. Struve, D.S. Merezhkovskiy, E.N. Trubetskoy) [The Debate about Great Russia (P.B. Struve, D.S. Merezhkovsky, E.N. Trubetskoy)]. In: Mikhachenko, S.I. (ed.) *Problemy slavyanovedeniya* [Problems of Slavic Studies]. Vol. 5. Bryansk: Bryansk State University. pp. 121–126.
10. Struve, P.B. (1908) Velikaya Rossiya. Iz razmyshleniy o probleme russkogo mogushchestva [Great Russia. From Reflections on the Problem of Russian Power]. *Russkaya mys'*. 1. pp. 143–157.
11. Merezhkovskiy, D. (1908) Svoboda bol'she rodiny [Freedom is Greater than the Motherland]. *Poslednie novosti*. 41. 8th March. p. 3.
12. Struve, P. (1908) Otvet D.S. Merezhkovskomu [A Reply to D.S. Merezhkovsky]. *Rech'*. 47. 24th February (8th March). pp. 2–3.
13. Merezhkovskiy, D. (1908) Eshche o "Velikoy Rossii" [More about "Great Russia"]. *Rech'*. 65. 16th (29th) March. p. 2.

14. Struve, P. (1908) Kto iz nas "maksimalist"? (Nekotorye itogi spora) [Which of Us is a "Maximalist"? (Some Results of the Debate)]. *Rech'*. 66. 18th (31st) March. p. 2.
15. Merezhkovskiy, D. (1908) Khristianstvo i gosudarstvo (Otvet kn. E. Trubetskoyu) [Christianity and the State (A Reply to Prince E. Trubetsky)]. *Obrazovanie*. 7. pp. 107–113.
16. Trubetskoy, E. (1908) Velikaya Rossiya (Po povodu spora P.B. Struve i D.S. Merezhkovskogo) [Great Russia (Regarding the Debate between P.B. Struve and D.S. Merezhkovsky)]. *Moskovskiy ezhenedel'nik*. 11. pp. 3–13.
17. Kotlyarevskiy, S. (1908) Dva mirosozertsaniya (Po povodu statey D.S. Merezhkovskogo i P.B. Struve) [Two Worldviews (Regarding the Articles by D.S. Merezhkovsky and P.B. Struve)]. *Moskovskiy ezhenedel'nik*. 11. pp. 42–46.
18. Andrushchenko, E.A. (2021) Ulovka D.S. Merezhkovskogo: kakuyu stat'yu kritik pisal dlya A.G. Dostoevskoy [D.S. Merezhkovsky's Trick: Which Article the Critic Was Writing for A.G. Dostoevskaya]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 8(2). pp. 222–239.
19. Trubetskoy, E. (1908) Mitingovaya religiya i mitingovye priemy (Otvet D.S. Merezhkovskoyu) [Rally Religion and Rally Tactics (A Reply to D.S. Merezhkovsky)]. *Moskovskiy ezhenedel'nik*. 46. pp. 33–38.

Сведения об авторе:

Андрущенко Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия).
E-mail: Andrushchenko2013@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Elena A. Andrushchenko, Dr. Sci. (Philology), professor, chief research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: Andrushchenko2013@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 14.03.2022;
approved after reviewing 29.01.2023; accepted for publication 01.10.2025*